А может, и сегодня не надо, нельзя, в конце концов нескромно? Ведь иной наш брат-журналист, что с полмиром на "ты", первым засмеет: провинция, мол, грается в лучах космической славы. Бог им судья. Решусь и скажу, что недавним встречи с дважды Героем Советского Союза Олегом Григорьевичем Макаровым вызвала у меня вовсе не ностальгию по прошлым годам. Скорее укрепила духом: живем, как и жили, пусть негромко, но незрянно, ненапрасно. И география тут ни при чем. Но есть святые совпадения, пересечения судеб.

... Почти тридцать лет назад на первом съезде отличников учебы вузов СССР после звонких речий звучала песня. Вечером в небольшом кругу, под гитару задумчивые физтехи, чуть рисуясь, пели:

Ах, как хочется я неба,
Разогнавшись, порваться
И услышать команду:
"Внимание, Вадим!"

Но ведь надо кому-то
На земле, на земле оставаться,
Чтоб мальчишек отправить в полет.

Один не пел. Сидел рядом.

Спустя два года эти ребята пели эту песню уже на нашей свадьбе. И с той поры я знаю, как трудно отправлять мальчишек в полет. И труд этот (нынче почти бесплатный) состоит в том, чтобы думать. И делать то, чего еще нет нигде в мире. И как же все-таки пересекаются судьбы: новое племя фантастов отправляет сегодня дедушку Макарова.

Знаю, и не только по газетным делам, и многих их тех "мальчишек". Так уж было по судьбе: в одном коридоре общежития была и наша комната, и номер-люкс для космонавтов. Тогда их, героев, в сверкающих автобусах, с ГАИ приезжали из Звездного. И мы, молодые жены, сердясь на мужей за их занятость, втайне гордились тем, что без них в столицах обойтись не могут.

Тренировки космонавтов предполагали сухой закон. Но как всякий закон... Конечно же, завершив все дела, иногда перегружавшись, светлые умы слегка остужались.

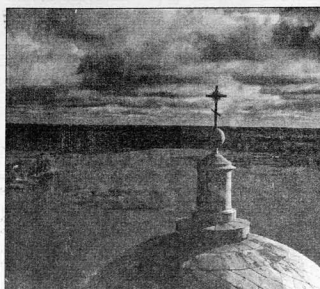
Уже тогда было видно, сколь разнятся летавшие и нелетавшие. Кто не летал, в суждениях и оценках казался куда смелее. Летавшие... В большинстве своем они смотрели берегу, чуть застенчиво. Не то разговоры, на пределе доверия, и поныне табу.

Но кто из газетчиков осудит? Да, бывало, да, использовала положение мужа (но, кажется, в большей мере его начальников) в наших целях. Так средя первых газет на орбите оказалась моя родная "Смена" с очерком о Владимире Коваленко. До сих пор помню, как бесновалась послеполетной встрече с ним: не обидела ли подробностями? Тогда меня поразила особая любовь к маме. Оказывается, в годы войны эта белорусская женщина бесстрашно помогала партизанам. Когда в село входили немцы, она убежать не сумела и со страха спряталась в колодце. Сутки в ледяной воде. В живых осталась. В здоровых-и навсегда - нет.

В ту пору дети наши по малости своей, когда мама дежурила по ночному, бесстрашно входили в запретные стены папиной работы, где те дяди их учили "летать" на компьютерную Луну, дарили свои фото (с надписями самыми нежными, которыми, знали, хвастаться никому нельзя). А еще угощали космической едой из диковинных тюбиков. Дети есть дети, говорили: очень вкусно! С особым восторгом - сладкожежка Лидда, мамина-наша.

А в доме Макаровых довелось побывать сразу после особо сложного полета Олега Григорьевича. Запомнилась сцена: дошкольник Костя за что-то отбивает своё в ракетки. Рядом мужская плачет. По случаю прилада незнакомой тете его прощают. Ту тетю дома ждали тоже ростом "уполовинью". А лет через пятнадцать окажется, что у наших детей есть подруга-альма-матер - МГУ, социологический факультет. И наша строгая Маша говорит о Косте Макарове примерно так: "Очень приличный парень. Кто не знает, и не подумает, что он из "больших дядьев".

Нет, друзья, я не о приближенности и не лимбрастове. У каждого из летавших и тех, кто ровняющих - свой крест, свой путь. О другом я. О том, что лично для меня над всем бесценным искренним разговором помимо воли звучала полузабытая мелодия: "Спасибо, дорогие мужики, что вы есть. Вы необходимы России. Не сдавайтесь годам. Не сходите с орбиты".



А теперь рассказ о самой встрече.

Зачумленные политиканами, давайте сегодня вечером выключим чужие голоса и побудем сами с собой. В тишине и при высоком небе. Пусть сегодня оно будет без звезд. Но мы-то знаем: они мерцают, стремясь пробиться к нам. Кого-то усыпокоить, кого-то укорить. Хуже, если они к нам равнодушны.

Так и живут. Бывает, во славе прорвется и уйдут в себя. То ли от обид, то ли от сытости.

Макаров Олег Григорьевич мог и не быть космонавтом. Но собою был бы: ироничным и строго-добрым, приветливым и бесполушаным к штампу и банальности. Тружеником по своей воле.

Равно как и Нина Петровна Болгова. Это ныне она директор акционного общества "Хлеб". Так повела судьба девчонку-детдомовку. Могла бы стать врачом или... А впрочем, зачем гадать? Суть ее, наверное, была бы та же: моторная, раненая, страстная в эстет своего дела, которому, наверное, втайне тихо молится. Хлеб - он к чистоте взыскует и к высоте душевной.

Удивительно ли, что в залуги Дня космонавтики встретились эти два человека? (Идея эта давнего доброго друга и космонавта, и хлебопека - Валентина Васильевича Соколова). Удивительно ли, что творские журналисты из разных компаний уезжали от Макарова с общим чувством благодарности за разговор, высокий и искренний?

А потому и этот материал мне хочется представить свободным диалогом - дать волю живому слову собеседников.

Как вы и догадались, хлебопек привез космонавту хлеб насущный. Да такого рассоюшества - от ржаного до ситного, от полуовальных буханок до круглых сладких пирогов. Признак, что в семье Макаровых по-московски рационально относятся к хлебу - что мама Валентина Ивановна скажет, то и купит, - Олег Григорьевич явно порадовался за тверичей. Действительно, говорит, нынче Тверь - хлебная столица. Нина Петровна с удовольствием не отрицала, впрочем, так же сделали бы, наверное, и ее коллеги-соперники с двух других предприятий. Разговор повела Нина Петровна:

- У государства до хлебопеков руки никогда не доходили, потому и оборудование было неважное. А богатство наше - было и будет - хлеб. Ни одна страна мира не может испечь рожь так, как мы. И даже итальянский-французский батон мы делаем на русский манер, там - с крепкой корочкой, а у нас - мягкий. Спросят, при чем здесь космос, при чем хлеб? Мы всегда умели гордиться Делом. И я не могу просто так, без волнения смотреть на Звезды. Обидно, что сейчас мы забываем об этом. А мы должны гордиться. Ведь как человек сам к себе относится, так относится и к нему. Если человек не уважает себя, к нему так же будут относиться. А мы на это не имеем права. Не имеем права забывать, что мы были первооткрывателями в космосе. Нам нельзя забыть и то, что Россия всегда была хлебородной державой, и сегодня этот хлебный российский престиж надо обязательно поддержать. В Твери в условиях реального бизнеса и реальной конкуренции мы с коллегами сумели достичь такого хлебного богатства, которого нет в столице.

- А в Москве хлеб дороже?

- Да, дороже. Хотя ваши хлебопеки живут легче: получают новое оборудование по лизингу, за этим следит сам Лужков. У вас в столице всегда было самое лучшее оборудование. А мы на своих лепешках живем: заработал - думай, куда пустить, то ли на зарплату, то ли на новое оборудование, чтобы повысить качество.

- А сколько нужно иметь в ассортименте хлеба, чтобы это было хорошо?

- Столько, чтобы всем было хорошо. Наименований шестьдесят. А потом работать над ассортиментом.

- А что такое дорогой хлеб?

- Где много жиров и сахара. Мы сейчас пропашем путь других стран. Когда уравнялись цены на белый и черный хлеб, крен сразу пошел в сторону белого - его всегда не хватало, он был дорог. Сейчас доступен. Но ведь даже по генетике российский человек связан с черным хлебом, это отражается и на здоровье.

- У вас черный хлеб берут до сих пор? В Москве, кажется, забывают его.

- Берут, но в меньшей мере. И это не здорово.

- А судьи кто?

- Судьи - люди. Франция прошла это, Лондон прошел, и сейчас у них самый дорогой - черный хлеб. А мы не ценим этого богатства...

Диалог космонавта и хлебопека продолжался бы, наверное, еще долго, но тут и журналисты вспомнили о профессиональном интересе.

- Валентин Васильевич Соколов рассказывал, будто вы когда-то по родной удомельской земле сделали двадцатикилометровый кросс и не запыхались.

- Ну что вы, братцы, это же было двадцать лет назад! И даже в другой стране.

- Что можно сказать об этой, другой, стране?

- Очень сложно всем. Легко прилепиться к какой-нибудь стороне - либо к чубайсам, либо к античубайсам. Смысла нет. Потому что ясно: так, как жили до восемьдесят пятого, - ну нельзя так жить. Но и куда мы вывалились - так тоже нельзя. Два "нельзя" ничего не рождают: так плохо и так плохо.

- Как живет большая наука?

- Что спрашивать, сами знаете. Уж если ведущие ученые кончают жизнь самоубийством... А мы, космонавтика, еще трепыхаемся. Мы много лет в всем объясняли еще при Советской власти: космонавтика и страна - одно и то же. А все полозревали, что мы немного отдельно. Как во всей стране плохо, так и у нас плохо. Скажем, наша радиопромышленность. Ее сейчас практически нет. Есть отдельные энтузиасты, отдельные предприятия. Они не делают погоду. Сегодня, чтобы сделать хорошую электронику, нужно что-то покупать за рубежом. Иначе это будет телевизор "Рубин", но без дистанционного управления. Нормальный человек этого себе не купит. А все остальное умирает. Почему? Наверное, потому, что история у нас была плохая. А во-вторых, мы не знаем, как нам ехать в светлое будущее.

- Неужели мы, Россия, так мало сделали в космонавтике, что нас потеснили с рынка японцы, американцы?

- Повторю: где-то в восемьдесят пятом году страна дошла до такого края, когда система управления народным хозяйством должна была рухнуть, и она рухнула. И мы как часть страны рухнули тоже. Имеет смысл говорить о том, что эти вопиющие недостатки - от террора до полного отсутствия обратной связи в управлении этой системой - надо было менять. Это совершенно очевидно. Это серьезная причина, что все мы сегодня проигрываем. Второе - когда начались преобразования, был восторженный идиотизм, особенно когда пошел в ход лозунг "Запад нам поможет".

Но ведь каждый играет в свою пользу! А мы... Все если на давки, разинули ротики и начали, извинитте, есть гуманитарную помощь. Поностью забыв, что свой хлеб надо заработывать. А сейчас мы это расхлебываем. У нас наверху сейчас в общем-то какая-то полукриминальная структура. Как же нас не съесть? И за что нас сегодня любить тому самому мировому сообществу? Почему нас кто-то, скажем, американцы, должен пропускать вперед? В жизни никто никого не пропускает - бери, обломай. И тогда тебе медаль повесят. А если ты занят тем, что кричишь: "Ну, давайте, американцы, платите нам, а мы будем объяснять, какие вы плохие..." Так не бывает. Не по правилам. Не по совести. Я считаю, что во всем виноваты мы сами, получаем то, что заработали.

- Вы летали вместе с американцами?

- Нет, не летал. Но с некоторыми из них знаком. И должен сказать, что, во-первых, в каком-то смысле это люди с очень другой психологией. Они выросли в другом мире, где другие ценности. А с другой стороны, их психология предполагает, что человека ценят за труд. Предполагает, что если человеку поручили дело, то он энергию свою должен тратить не на то, чтобы объяснять, почему он делать не будет. Он сразу начинает делать. В этом смысле с американцами работать - одно удовольствие, если знать правила их игры. Только ждать, что он за тебя будет работать и тебе отдавать свою получку, - ни одного шанса из ста. И правильно! Они более жесткие, но они порядочные в своих правилах. Только на иждивенцев им гость не удастся.

- Вы поддерживаете сейчас с ними какие-то контакты?

- Я лично - нет. А вот предприятие, на котором работаю, - ракетно-космическая корпорация "Энергия" - участвует с американцами в проекте "Альфа". Контакты есть, но они идут очень тяжело, потому что мы пообещали больше, чем сегодня можем. Американцы на нас обижаются. Хотя я не скажу, что они всегда правы. Мы на них тоже обижаемся, и очень сильно.

- Чем сейчас занят ваш рабочий день (в пределах нетайного)?

- Какие тайны! Уже столько вывезли за рубеж... Сейчас наше предприятие развивает с американцами другие темы. Скажем, тот же морской проект. Второе: мы пытаемся, с вернуться к тому, чем занимались ранее - спутниками связи. Да, нас часто упрекали за то, что космонавтика дает малую отдачу в деньгах. Я совершенно убежден, что космонавтику как науку по крайней мере сейчас надо оценивать так: она будет развиваться, если будет хотя бы частично дотационной. Сегодня в космосе мы делаем массу вещей за чужой счет. Но есть абсолютно окупаемое направление космонавтики - это связь. Вот туда мы пошли опять. Но - уверяю вас - все равно нельзя родить ребенка за один день! Требуются время, инвестиции, широкая международная кооперация. В которой нас не очень ждут. А вот загнать свою продукцию на рубеж - это борьба суровая - никакой доброжелательности! Никакой сцены, типа "Что вы, что вы, проходите вперед, я подожду", там не бывает. Да, мы окупимся еще не очень быстро. Но окупимся. Ведь все - от хлеба до космонавтики, - если не развиваться, обречено.

- Какие у вас ощущения от первого и последнего полета?

- Полет - он каждый раз последний. Первые ощущения более яркие. Там всегда есть чувство опасности. Второе: понимаешь, что в такую командировку за свою получку никогда не съездишь.

- Боязнь остаться один на один с пространством была ли?

- Страх подсознательный есть всегда. Он связан в основном с опасностью разгерметизации. Опасность есть. Ее раздули и с ней разобрались. Теперь она сдопонулась, и все. Там опасность другая - если прорвется связь, вам надо будет выпутываться самому, потому что космический аппарат к Земле привязан радиоантенны. Обрыв опасен, но, по известно, как из этого выкручиваться. Поскольку этого никогда не было, в этого не боюсь.

- Как вы относитесь к фантастике?

- Как бы помягче сказать? Уж очень много пены сейчас, мусора. Стараюсь читать то, что мне сказали, что стоит читать. Потому что фантастов хороших мало.

- Подробности биографии некоторых космонавтов становятся уж слишком широким достоянием.

- В этом нет ничего страшного, потому что это никто не читает. Сегодня так много сплетен и грязи обо всем и обо вся, что не стоит пугаться. С другой стороны, скоро начнется откат, и мы в порыве патриотизма будем хвалить все свое, в том числе и грязные дороги: они, мол, воспитывают нашу выносливость. Я скажу так: я Терешкова, и люди, ей подобные, - достойные. Пачкать их не надо.

- Как у вас складывались отношения с людьми военными?

- Форма человека меняет. Клановаось есть, в том числе и у журналистов. У военных (по душе) есть плюсы и минусы. Плюсы? Военный, какой бы ни был разгильдяй, все-таки дисциплинированный. А наша страна сегодня отчасти гибнет от полного отсутствия чувства долга. Пора понять: ты получаешь зарплату - ты должен ее заработать. А нам с 85-го года все кричат, что надо что-то проверить, предпринять. И в этом счастье тое.

Но военные настолько привыкают повелевать, у них от формы идет такое чувство собственной правоты, что за край закатывает. Ну и что? Сегодня в нашей ненадежности военный надежен.

Сложно, когда дело доходит до дела, дисциплина важнее творческих начал. Иначе... Мы сегодня очень творчески крушим свою страну. Ужасно творчески. И еще: в лёте никогда не стоит вопрос власти, если ты вообще не неандертелец. Космическая работа, как и война, - очень дорогостоящее дело и по жизням, и по рублям. Сравнять ее нельзя. И у нас, и у американцев к людям, которые не выполнили работу (а между собой всегда можно разобраться, почему, и если в этом "почему" есть такое: мог, но не сделал), отношение одно - прощения меж своими не будет. Причем никто нигде ничего не скажет. Просто этот человек больше не полетит: мы обязаны отвечать за все. А в остальном у нас все как у людей.

- То, что вы космонавт СССР, занимаетесь сегодня бытовой - кухонными комбайнами, пылесосами, не смущает ли?

- Бытовка мирового уровня, поверьте, иногда сложнее военного заказа. Сейчас любой завод нашей отрасли с радостью возьмется за это. Но - плати! Ведь, прежде чем выпустить тот же кухонный процессор, мы получили за полет деньги (несколько миллионов долларов), отслели их в Японию... Если бы не полет, не было бы и процессоров, и пылесосов уровня "Ровенты", но дешевле. Прежде чем получить, надо вложить.

- Намного ли нас опережают американцы в космосе?

- Да, конечно, мы же часть страны.

- Какова судьба "Бурана"?

- По мне, так и начинать его не надо было. Это как 150-тонный самосвал. Кому он нужен? Автомобильные заводы переходят на "полуторки" - то что берут на рынке.

- А ведь развитие техники должно идти вперед.

- Это смотря в каком месте у вас считается перед. Скажу и об американском "Шаттле": он окупится, кажется, после 500 пусков. С 82-го года они летают, сделали 120 пусков. Ну разве это окупаемость? Это разве вещь?

- Каковы перспективы развития отечественного спутникового телевидения?

- Великие. У нас насыщенность связью страны очень маленькая. Экономически целесообразно иметь в большой стране именно такое средство связи. Но что получится - другой вопрос. Это дорого стоит.

- Вы можете подписаться под изречением: "Хлебопечение и космос - самые мирные профессии"?

- Если снизу будет написано: "Россия - родина слонов".

- Как дальше будет развиваться космонавтика?

- Мы еще не определились. Я не могу сказать, что мы с гарантией помрем или с гарантией выживем. И это несмешно. Промышленное производство в стране упало в несколько раз. У нас в космонавтике от сырости, что ли, все будет?

Космонавтика - она большая, почти как жизнь. И у нее не одно направление. Наблюдать за звездами люди будут всегда. Связная техника будет развиваться фантастическими темпами. Космическая техника - это вообще не неандертелец. Космическая работа, как и война, - очень дорогостоящее дело и по жизням, и по рублям. Сравнять ее нельзя. И у нас, и у американцев к людям, которые не выполнили работу (а между собой всегда можно разобраться, почему, и если в этом "почему" есть такое: мог, но не сделал), отношение одно - прощения меж своими не будет. Причем никто нигде ничего не скажет. Просто этот человек больше не полетит: мы обязаны отвечать за все. А в остальном у нас все как у людей.

В НАУКЕ ЕСТЬ МУЗЫКА. ЭТО - КОСМОНАВТИКА

праздником.

Публикацию подготовили Клара КОЧЕТКОВА и Олег ГРИГОРЬЕВИЧ МАКАРОВ.

НА СНИМКАХ: разговор о Хлебе и Звездах; Олег Григорьевич Макаров. "Здравствуйте, мои земляки!".

Фото Людмилы Зинченко и Александра Солодовникова.

***

РЕДАКЦИЯ И ЧИТАТЕЛИ НАШЕЙ ГАЗЕТЫ ПОЗДРАВЛЯЮТ ОЛЕГА ГРИГОРЬЕВИЧА МАКАРОВА, ЕГО ЗВЕЗДНЫЙ И ЗЕМНЫЙ КОЛЛЕГ С ДНЕМ КОСМОНАВТИКИ.